

Философия общего дела

**Том 1. Статьи, мысли и письма
Николая Федоровича Федорова**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Ф56

Ф56 Философия общего дела: Том 1. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова
/ – М.: Книга по Требованию, 2023. – 755 с.

ISBN 978-5-519-78794-9

ISBN 978-5-519-78794-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

надъ самую смертью—вотъ задача всечеловѣческаго дѣла. Только съ ея осуществленіемъ устранятся причины вражды и зла, возстановится утраченная, единственная естественная основа нравственности, родственность, настанетъ миръ всего міра и явится возможность жить не для себя лишь одного (эгоизмъ) и не для другихъ только (альтруизмъ), а со всѣми и для всѣхъ (братство, семья, соборъ).

Но дѣло всечеловѣческое не исчерпывается даже и завоеваніемъ безсмертія для живущихъ. Сыны человѣческіе, Божіей помощью и силою универсальнаго знанія и объединенной воли ставшіе бы безсмертными сами, не въ правѣ были бы оставить въ плѣну у смерти тѣхъ, кто далъ имъ жизнь, отцовъ своихъ, предковъ. Возстановленіе жизни, воскрешеніе вотъ высшій нравственный долгъ сыновъ человѣческихъ, призванныхъ Спасителемъ быть совершенными, какъ Отецъ ихъ Небесный. Исполненіе этого долга не только не противорѣчитъ волѣ Божіей, но, наоборотъ, при Божественномъ содѣйствіи, и будетъ выполненіемъ на землѣ воли Отца Небеснаго, „Бога не мертвыхъ, а живыхъ“, „Бога смерти не создаващаго“, и завѣта Сына Человѣческаго, Смерти Побѣдителя, не хотящаго погибели ни единого, да вси спасени будутъ и въ разумъ истины придутъ. Проповѣдь жизни, безсмертія и воскресенія есть сущность ученія Спасителя: Христосъ есть Воскреситель; непремѣнное же условіе спасенія, уподобленіе вѣрующаго Христу, должно выражаться не въ одной вѣрѣ въ Спасителя, но и въ самомъ дѣлѣ спасенія: человѣкъ, дѣлаясь исполнителемъ воли Божіей и ученикомъ Христа, изъ пособника смерти, какимъ онъ, вольно или невольно, безсознательно или умышленно, былъ доселѣ, станетъ орудіемъ жизни, силою животворящею. Воскресеніе Христово требуетъ всеобщаго воскрешенія. Царство Божіе, во исполненіе воли Божіей Богомъ направляемое, Имъ черезъ насъ осуществляемое, есть произведеніе всѣхъ благихъ силъ и способностей людей въ ихъ совокупности, результатъ полноты знанія, глубины и чистоты чувства и могущества объединенной, святой воли.

Таковы въ общихъ чертахъ цѣль и содержаніе странныхъ по формѣ и не легко усвояемыхъ статей, собранныхъ въ этой книгѣ. Глубокое уваженіе къ рѣчамъ великаго учителя, въ коихъ каждое слово строго продумано и полно богатаго смысла, не позволяло придать здѣсь его мыслямъ упрощенное и болѣе систематичное изложеніе*); издатели предпочли сохра-

*) Опытъ такого изложенія сдѣланъ мною въ статьяхъ о Н. О. Седоровѣ въ „Русскомъ Архивѣ“ (1904, 1905 и 1906 г.г.), имѣющихъ выйти въ скоромъ времени по октябрьскимъ изданіямъ.

IV

нить въ точности текстъ рукописей, въ увѣренности, что не малое напряженіе вниманія, необходимое для усвоенія ученія великаго человѣколюбца, будетъ съ избыткомъ вознаграждено разнообразною цѣнностью содержанія ученія даже и для тѣхъ читателей, которые не найдутъ возможнымъ принять его конечныя заключенія, для большинства, безспорно, слишкомъ смѣлая, но въ нравственномъ смыслѣ настолько величавая, что каждое приближеніе къ нимъ было бы шагомъ къ спасенію человѣчества.

Владиміръ Кожевниковъ.

Предлагая всеобщему вниманію книгу, содержащую въ себѣ часть произведеній умершаго 15 декабря 1903 года Николая Федоровича Федорова, мы дѣлаемъ это потому, что при-
даемъ произведеніямъ Н-лая Ф-ча величайшее значеніе, зна-
ченіе чрезвычайное, такъ какъ въ нихъ разрѣшается вопросъ
о смыслѣ и цѣли существованія, опредѣляется цѣнность жиз-
ни, въ нихъ поднимается вопросъ объ отечествѣ и братствѣ,
или родственности, о причинахъ небратскаго, т. е. неродствен-
наго, или безнравственнаго состоянія міра, ибо родственность
равняется нравственности, а неродственность безнравственно-
сти; въ этихъ произведеніяхъ заключается призывъ къ обще-
му всѣхъ людей дѣлу, дѣлу необходимому, родному и доро-
гому всѣмъ и каждому, къ дѣлу, которое требуетъ для своего
осуществленія не всеобщаго только міра, по мысли Н-лая
Ф-ча, невозможнаго, какъ состояніе инертное, недѣятельное,
но всеобщаго союза, союза братскаго,—призывъ къ дѣлу, ко-
торое сдѣлаетъ Россію, нынѣ для всѣхъ чуждую и даже нена-
вистную, по выраженію Н-лая Ф-ча, „родною, милою и доро-
гою“. Въ предлагаемыхъ общему вниманію произведеніяхъ
заключается, по глубокому нашему убѣжденію, то новое слово,
которое Россія призвана сказать міру, заключается указаніе
на то дѣло, которое Россія призвана внести въ міръ, въ нихъ
заключается оправданіе Москвы, признавшей себя еще на зарѣ
своего существованія Третьимъ Римомъ, Римомъ, такъ ска-
зать, окончательнымъ, исключаящимъ необходимость и возмож-
ность четвертаго, въ этихъ произведеніяхъ раскрывается смыслъ
того самосознанія, вѣрнѣе --неопредѣленнаго еще до сихъ поръ
чувства русскаго народа, которое называетъ Русь святою, само-
сознанія, свойственнаго великому народу. „Всякій великій на-
родъ“, -- говоритъ Достоевскій на первыхъ страницахъ своего
дневника, — „вѣритъ и долженъ вѣритъ, если хочетъ долго
жить, что въ немъ одномъ заключается спасеніе міра, что
живетъ онъ на то, чтобы стоять въ глазахъ народовъ, приоб-
щить ихъ всѣхъ во едино и вести ихъ въ согласномъ хорѣ
къ окончательной цѣли, всѣмъ имъ предназначенной“... Но
это приобщеніе всѣхъ народовъ, это водительство не даетъ, не
должно давать господства надъ другими, себѣ подобными, на-
противъ, оно дѣлаетъ слугою всѣхъ, возлагаетъ тяжелую обя-
занность, службу, которую русскій народъ и несъ всю свою
долгую жизнь; и не русскому-ли народу у себя дома тяжело

всѣхъ: всякій иностранецъ у насъ дворянинъ, инородецъ-князь и купецъ, а русскій, крестьянинъ-пахарь, всѣмъ слуга. Ученіе Н-лая Ѳ-ча, указывающее, въ чемъ состоитъ истинное служеніе русскаго народа, будучи усвоено, сдѣлаетъ сознательнымъ убѣжденіемъ нынѣ неопредѣленное чувство, которое выразилось, какъ сказано, въ признаніи русскими своего царства—святою Русью, обратить это чувство въ увѣренность, требующую осуществленія, требующую дѣла, и такимъ образомъ выведетъ русскій народъ на самостоятельный путь, и не только освободитъ насъ отъ иноземнаго вліянія, но и приведетъ къ побѣдѣ умственной и нравственной, къ побѣдѣ ни для кого необидной и для всѣхъ желанной, къ побѣдѣ безкровной, исключающей необходимость побѣдъ кровавыхъ, которая заставитъ всѣхъ полюбить Русь, потому что и она всѣхъ возлюбить.

Чтобы хоть нѣсколько познакомить съ личностью автора печатаемыхъ произведеній, необходимо сказать, что онъ былъ извѣстенъ, какъ завѣдующій каталожнымъ отдѣленіемъ Румянцевскаго, въ Москвѣ, Музея, а затѣмъ, какъ дежурный читальнаго зала при архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и несмотря на скромность положенія, которое Н-лай Ѳ-чъ занималъ при жизни, извѣщенія объ его кончинѣ, послѣдовавшей 15 декабря 1903 года въ Москвѣ, въ Маріинской больницѣ, и о погребеніи на кладбищѣ „Всѣхъ скорбящихъ радости“ появились во всѣхъ, можно сказать, Московскихъ газетахъ безъ различія направленій; наиболѣе же обстоятельныя свѣдѣнія о Н-лаѣ Ѳ-чѣ были даны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, въ Русскихъ Вѣдомостяхъ, въ Московскомъ Листкѣ... Московскими и Русскими Вѣдомостями даны о Н-лаѣ Ѳ-чѣ по двѣ статьи; 2-я статья Русскихъ Вѣдомостей принадлежитъ извѣстной писательницѣ Екатеринѣ Степановнѣ Некрасовой, 2-я же статья Московскихъ Вѣдомостей написана къ сороковому дню кончины Н-лая Ѳ-ча П. Я. Покровскимъ. Всѣ эти статьи, къ коимъ должно причислить также статью Ю. П. Бартенева въ № 1 Русскаго Архива за 1904 годъ, можно причислить и статью Шенрока въ № 2-мъ Историческаго Вѣстника 1904 г., не говоримъ уже о статьяхъ В. А. Кожевникова, но настойчиво отсылаемъ къ нимъ читателя, (печатаніе этихъ статей началось съ № 2-го Русскаго Архива 1904 года и до сихъ поръ еще не окончено), всѣ эти статьи говорятъ о Н-лаѣ Ѳ-чѣ, какъ о человѣкѣ необыкновенномъ, какъ о человѣкѣ въ высшей степени замѣчательномъ, въ статьяхъ же Кожевникова и Шенрока свидѣлствуется, что ближайшіе къ Н-лаю Ѳ-чу считали его великимъ и даже ве-

ликимъ изъ великихъ. Въ статьѣ „Памяти Николая Федоровича“, напечатанной въ № 334-мъ Московскихъ Вѣдомостей отъ 16 декабря 1903 года, на второй день его смерти, говорится, что Н-лай Ѳ-чъ былъ много лѣтъ „драгоценнымъ украшеніемъ“ Румянцевскаго Музея, что Н-лая Ѳ-ча „знала многочисленная семья русскихъ писателей и ученыхъ“ и „всѣ они пользовались его безпримѣрно богатыми знаніями во всѣхъ областяхъ науки и его безпримѣрною готовностью служить каждому всѣми силами, способностями и средствами“. „При этомъ“, — замѣчается въ той же статьѣ, „весьма немногіе знали его фамилію, еще меньше знали его прошлое, но Румянцевскій Музей не мыслился отдѣльно безъ Николая Федоровича“; а затѣмъ свидѣтельствуется, что „глубочайшія и оригинальныя возрѣнія его привлекали къ себѣ и Достоевскаго и Владиміра Соловьева“. Въ статьѣ, напечатанной въ № 346-мъ Русскихъ Вѣдомостей, отъ 17 декабря 1903 г., на третій день смерти Н-лая Ѳ-ча, говорится, что онъ былъ „незамѣнимымъ руководителемъ для всѣхъ работавшихъ въ библіотекѣ Румянцевскаго Музея“, что къ нему съ уваженіемъ относились такіе, „какъ Вл. Соловьевъ и Л. Н. Толстой“, что Н-лай Ѳ-чъ „держалъ себя независимо и не былъ способенъ поступаться предъ кѣмъ бы то ни было своими убѣжденіями“, что „какъ работника его нельзя было не цѣнить, какъ чловѣка нельзя было не уважать, какъ сослуживца нельзя было не любить“. Г-жа Некрасова въ № 353 Русскихъ Вѣдомостей, отъ 24 декабря 1903 г., — рассказавъ извѣстное ей о жизни Н-лая Ѳ-ча, и, между прочимъ, о томъ, какъ онъ покупалъ на собственныя, болѣе чѣмъ скудныя средства книги для Музея, которыхъ тамъ не было, но которыхъ требовалъ кто-либо изъ посѣтителей, и которыхъ, кромѣ покупки, нельзя было достать никакимъ другимъ путемъ, каковы указаніе на другое книгохранилище, или же позаимствованіе у лицъ, имѣвшихъ книгу и Н-лаю Ѳ-чу извѣстныхъ, что дѣлалось имъ въ интересахъ нуждавшихся въ книгахъ для серьезной работы весьма часто, т. е. всякій разъ, какъ въ этомъ встрѣчалась надобность, — говоритъ въ заключеніе своей статьи, что Н-лай Ѳ-чъ „по своей цѣльности, стойкости своихъ принциповъ и идеальному отношенію къ общественному служенію“ былъ чловѣкъ рѣдчайшій и „уже одною своею жизнью“ вносилъ „въ окружающее много добраго и поучительнаго“; кончаетъ же свою статью Некрасова такъ: „Низкій поклонъ предъ прахомъ незамѣнимаго библіографа энциклопедиста. Многообязанная покойному Ека-терина Некрасова“. П. Я. Покровскій въ своей обширной статьѣ, напечатанной въ Московскихъ Вѣдомостяхъ въ №№ 23,

24, 25 и 26 за 1904 г. (отъ 23—26 января) свидѣтельствуеть о „глубочайшемъ міросозерцаніи“ Н-лая Ѳ-ча и объ его „самоотверженномъ неподражаемомъ служеніи“ ближнимъ, „всѣми силами и способностями его богатоодаренной и христіански воспитанной природы“. Опредѣляя жизнь Н-лая Ѳ-ча, какъ служеніе, и особенно настаивая на этомъ опредѣленіи, Покровский говоритъ, что изъ-за этого служенія „совсѣмъ не было видно ни личной жизни Н-лая Ѳ-ча, ни службы его понимаемой въ обычномъ смыслѣ“, а затѣмъ утверждаетъ: „ничего обычного ни въ жизни, ни во взглядахъ Н-лая Ѳ-ча не было. Такъ онъ своеобразенъ во всемъ, такъ ничѣмъ не напоминалъ обыкновенныхъ людей, что при встрѣчѣ и знакомствѣ съ нимъ поневолѣ становились въ тупикъ люди, особенно выдающіеся особенно оригинальные. Н-лай Ѳ-чъ поражалъ въ этомъ отношеніи и всѣхъ простыхъ смертныхъ и даже такихъ, напримѣръ, оригиналовъ, какъ графъ Л. Н. Толстой или В. С. Соловьевъ. Все въ немъ было свое, и ни въ чемъ онъ не походилъ на рядовыхъ смертныхъ, начиная съ внѣшности, продолжая привычками и приемами жизни и оканчивая міровоззрѣніемъ“. Весьма важенъ рассказъ П. Я. Покровскаго, совершенно согласный съ рассказываемымъ Некрасовою, Шенрокомъ и др., о томъ, какъ завязывалось обыкновенно знакомство съ Н-мъ Ѳ-чемъ. „Изучая тотъ или другой научный вопросъ, посѣтителъ Музея находилъ въ кипѣ потребованныхъ имъ книгъ... еще двѣ—три книги, которыхъ онъ совсѣмъ не требовалъ, о существованіи которыхъ и не подозрѣвалъ. А между тѣмъ, содержаніе этихъ неожиданныхъ книгъ прямо отвѣчало на поставленную имъ себѣ задачу“. На вопросъ посѣтителя, кому онъ обязанъ присылкою этихъ книгъ, получался отвѣтъ: „Это вамъ прислалъ Н-лай Ѳ-чъ“. „Новыя книжки освѣщали вопросъ совсѣмъ съ новыхъ, часто неожиданныхъ и непредвидѣнныхъ сторонъ и точекъ зрѣнія. Вопросъ углублялся, изученіе затягивалось, требовались присылались все новыя и новыя книги, и, наконецъ, совсѣмъ зарывшіяся ученый непремѣнно получалъ приглашеніе: „Васъ просятъ къ себѣ Н-лай Ѳ-чъ“... „Тутъ уже завязывалось личное знакомство съ Н-мъ Ѳ-чемъ съ тѣмъ, чтобы потомъ уже никогда не прерываться и служить постояннымъ и неисчерпаемымъ источникомъ не только для всесторонняго изученія тѣхъ или другихъ специальныхъ вопросовъ, но нерѣдко и для выработки и созданія цѣлаго міросозерцанія“. Объяснивъ затѣмъ въ чемъ заключались обязанности Н-лая Ѳ-ча, какъ завѣдующаго каталожною Румянцевскаго Музея, П. Я. Покровский говоритъ: Мимо Н-лая Ѳ-ча не проходило ни одно требованіе на книги и безъ его

предварительнаго просмотра не выдавалась ни одна книга въ читальный залъ. Ему извѣстно было каждое требованіе, но, разумѣется, въ число его обязанностей служебныхъ вовсе не входило опредѣленіе по этимъ требованіямъ вопроса, интересовавшаго читателя, степени его подготовленности къ занятіямъ этимъ вопросомъ и характера его освѣдомленности въ немъ"... „Н-лай Ѳ-чъ по тѣмъ требованіямъ на новыя книги, какія подають въ читальномъ залѣ посѣтители, сразу узнавалъ серьезнаго работника, и тогда уже онъ заглазно всею душою привязывался къ этому человѣку и старался быть полезнымъ ему, чѣмъ только могъ".* „А содѣйствіе его въ этомъ отношеніи было безпримѣрно драгоценнымъ. Онъ былъ прямо исключительнымъ библиоманомъ и библиографомъ. Онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ, всю библіотеку Румянцевскаго Музея, и очень часто для него было легче и скорѣе взять нужную книгу прямо съ полки, чѣмъ отыскивать ее при помощи каталога. Конечно, время и любовь къ книжному дѣлу помогаютъ современемъ освоиться и съ огромными и богатыми библіотеками. Удивительны и совсѣмъ рѣдки библиоманы, знающіе по корешкамъ и названіямъ всѣ книги обширныхъ библіотекъ, но едва ли какая-нибудь библіотека, кромѣ Румянцевскаго Музея, могла похвалиться исключительною честью имѣть библіотекаремъ человѣка, знающаго содержаніе своихъ книгъ. А Н-лай Ѳ-чъ зналъ содержаніе книгъ Румянцевскаго Музея, и это было прямо невѣроятнымъ явленіемъ. Если вы сказали ему свой вопросъ или свою задачу, онъ могъ буквально закидать васъ печатнымъ матеріаломъ. Если вы у него спрашивали нѣсколько книгъ, онъ безошибочно опредѣлялъ предметъ вашихъ изысканій, зная напередъ во всѣхъ подробностяхъ все содержимое каждой потребованной вами книги. Удивительно было также то, что не было вопроса, который былъ бы для него новъ и незнакомъ, или который не былъ бы близокъ его сердцу. Буквально во всемъ онъ шелъ всегда впереди общепризнанныхъ авторитетовъ и специалистовъ, и буквально не было вопроса, къ которому, даже самому, на первый взглядъ, маленькому, онъ не относился бы съ такимъ же интересомъ и съ такою же теплотой, какъ и къ самымъ кореннымъ основамъ знанія и вѣры. Насколько разнообразны были тѣ области знанія, въ которыхъ Николай Федоровичъ руководилъ специалистовъ, это лучше всего видно изъ примѣровъ»... Мы не приводимъ здѣсь примѣровъ, на которые ссылается П. Я. Пок-

* „Скорѣе вы сами отложите въ сторону и забудете о вашей работѣ",—говорить Некрасова въ своей огатѣ о Н-лаѣ Ѳ-чъ— „чѣмъ онъ забудетъ о томъ, что для нея надо; онъ рѣшше не ускорится, пока не исчерпаетъ всего матеріала".

ровскій, но не можемъ не привести слѣдующій его разсказъ, характеризующій удивительныя знанія Н-лая Ө-ча. „Въ началѣ девяностыхъ годовъ... ѣхала партія инженеровъ на изысканіе Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути и, проѣзжая Москвою, заглянула въ Румянцевскій Музей, конечно, для очистки совѣсти, а вовсе неувѣренная въ возможности найти здѣсь что-либо для себя новое и интересное. Въ подобныхъ случаяхъ, когда кто нибудь обращался въ бібліотеку съ просьбой указать книги, имѣющіяся по извѣстному вопросу, или за какими-нибудь совѣтами при книжныхъ занятіяхъ, его неизмѣнно направляли къ Н-лаю Ө-чу. Къ нему же привели и инженеровъ. Послѣ очень недолгаго разговора инженеры услышали названіе такого описанія Сибири, о которомъ раньше и не подозревали; а когда инженеры показали Н-лаю Ө-чу проектъ предполагавшагося пути, то Н-лай Ө-чъ „сразу замѣтилъ два упущенія на картѣ: въ одномъ мѣстѣ не вѣрно была показана высота горы, а въ другомъ совсѣмъ пропущенъ былъ большой ручей. Инженеры, хотя и неувѣренно, но все-таки спорили и стояли за вѣрность своей карты. Однако на возвратномъ пути, года черезъ два, партія прислала одного своего сочлена къ Н-лаю Ө-чу засвидѣтельствовать ему свое уваженіе и сказать ему, что онъ былъ безусловно правъ“. Нельзя не привести еще слѣдующаго разсказа изъ статьи П. Я. Покровскаго, подтверждаемаго г-жею Некрасовою, Шенрокомъ и другими: „однажды В. А. Дашковъ (директоръ музея) предложилъ ему (т. е. Н-лаю Ө-чу) повышение по службѣ; онъ искренно обидѣлся, считая себя совершенно удовлетвореннымъ своимъ настоящимъ положеніемъ. Дашковъ оправдывался (!?) своимъ уваженіемъ къ Н-лаю Ө-чу и искреннимъ желаніемъ сдѣлать ему пріятное. Тогда Н-лай Ө-чъ поймалъ его на словѣ и уже со своей стороны попросилъ повышения для одного изъ служащихъ въ Музей, на что этотъ послѣдній никакъ не могъ разсчитывать. И Дашковъ съ удовольствіемъ исполнилъ просьбу Н-лая Ө-ча“.

Такъ говорятъ о Н-лаѣ Ө-чѣ люди, мало его знавшіе, знавшіе только по музею, человѣкъ же, который зналъ Н-лая Ө-ча гораздо ближе, въ теченіе тридцати почти лѣтъ, В. А. Кожевниковъ, даетъ такое о немъ свидѣтельство въ первыхъ строкахъ первой статьи своей въ № 2-мъ Русскаго Архива за 1904 годъ. „Не стало человѣка изумительнаго, рѣдкаго, исключительнаго! О возвышенномъ умѣ Николая Өедоровича Өедорова, о его разнообразныхъ, обширныхъ познаніяхъ, объ его добросовѣстности какъ труженика и объ идеальной нравственной чистотѣ его, напоминать людямъ, сколько-нибудь его знавшимъ, излишне; они и безъ того всѣ, единогласно, скажутъ:

XI.

„то былъ мудрецъ и праведникъ!“; а болѣе близкіе къ нему добавятъ: „то былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ праведниковъ, которыми держится міръ“...

Часть твореній человѣка, такъ характеризуемаго людьми не только различныхъ, но и прямо противоположныхъ направленій, и собрана въ предлагаемой книгѣ. Творенія эти столь же необыкновенны, какъ необыкновененъ былъ самъ авторъ; но серьезный читатель, (а на такихъ только мы и рассчитываемъ), не будетъ устрaшенъ необычайностью того, что онъ встрѣтитъ на первыхъ же страницахъ предлагаемой книги; не устрaшившись же и давъ себѣ трудъ, (трудъ, должны сказать, не малый), дочитать книгу до конца, (разумѣемъ чтеніе въ высшей степени внимательное, невнимательно читать эту книгу и нельзя, въ такомъ случаѣ лучше совсѣмъ ее не читать), дочитавшій книгу придетъ къ убѣжденію, что казавшееся ему сначала необычнымъ—есть великое и единственное, есть единственно-возможное разрѣшеніе вопроса о смыслѣ и цѣли нашей жизни, при томъ такое разрѣшеніе этого вопроса, которое только и дастъ возможность осуществить „на землѣ миръ и въ человѣкахъ благоволеніе“, и Россію, нынѣ всѣмъ чуждую и даже страшную, а потому и ненавистную, сдѣлаетъ всѣмъ родною, милою и дорогою,—какъ это выше сказано. Н-лай Ө-чъ давно уже предсказывалъ войну, къ которой принудили насъ Японцы; предупреждалъ и о неуспѣшности этой войны въ матеріальномъ отношеніи, если Россія не одержитъ побѣды умственной и нравственной, какъ это говорится въ статьѣ „Разоруженіе“, напечатанной первоначально въ № 8429-мъ Новаго Времени. Еще до Испано-Американской войны и даже до войны Японо-Китайской, Н-лай Ө-чъ предсказывалъ войну и не съ Японією только, но и съ Англією и съ Америкою, которыя оказывали такую сильную поддержку нашимъ непосредственнымъ врагамъ, а можетъ быть, еще и съ другими; но вмѣстѣ съ тѣмъ Н-лай Ө-чъ всегда выражалъ надежду, что будетъ, наконецъ, заключенъ всеобщій союзъ на великое и святое дѣло всеобщаго спасенія, на дѣло спасенія всего рода человѣческаго, на дѣло всѣхъ и каждого.

Святость дѣла, которому, какъ мы вѣримъ и надѣемся, полагается начало изданіемъ предлагаемой книги, и убѣжденія автора собранныхъ въ книгѣ произведеній, возмущавшагося торговлею произведеніями мысли, называвшаго такую торговлю продажей души, величайшимъ изъ святотатствъ, исключаетъ возможность продажи этой книги, и, конечно, никакихъ авторскихъ правъ къ ней не предъявляется. Всякій, кто это найдетъ нужнымъ, можетъ переводить, дѣлать выписки, пере-

печатки, не стѣсняясь обширностью ихъ, можетъ и вновь издавать эту книгу. Увидать книгу въ новомъ изданіи, болѣе исправномъ, чѣмъ настоящее, было бы для насъ большою радостью.

Книга напечатана лишь въ 480 экземплярахъ, предназначенныхъ для разсылки въ публичныя библіотеки, ученыя общества и т. п. учрежденія; остающіеся немногіе экземпляры будутъ (безплатно) высылаться желающимъ по ихъ заявленіямъ объ этомъ Владиміру Александровичу Кожевникову (Москва, Арбатъ, Калошинъ переулокъ, домъ Давыдова).

Въ заключеніе необходимо разъяснить, что разумѣтъ авторъ подъ первымъ и вторымъ предисловіями на страницѣ 510 книги; подъ первымъ предисловіемъ разумѣтся тутъ первая статья настоящей книги, въ которой на страницѣ 8-ой употреблено даже такое выраженіе—„и это сознаніе не есть выраженіе скромности, обычное въ предисловіяхъ“; вторымъ же предисловіемъ авторъ называетъ часть второй статьи до страницы 64-й; со словъ же на этой страницѣ: „I. Находясь чуть не тысячу лѣтъ“ и проч. начинается само произведеніе. Такъ былъ начатъ въ іюнѣ 1878 года отвѣтъ на письмо Достоевскаго отъ 23 марта 1878 года, нынѣ напечатанное въ № 3-мъ Русскаго Архива за 1904 годъ, разросшійся въ то, что напечатано въ этой и будетъ напечатано въ слѣдующихъ за ней книгахъ.

Авторъ настоящей книги, слѣдуя Христу,—миссія котораго заключалась въ томъ, чтобы объединить всѣхъ, объединить іудеевъ и язычниковъ въ общемъ дѣлѣ воскресенія,—стремится объединить въ томъ-же дѣлѣ даже вѣрующихъ съ невѣрующими; но чтобы невѣрующіе прочли всю эту книгу, необходимо начать имъ чтеніе со статьи „Разоруженіе,“ на стр. 656-й, и съ слѣдующей, дополнительной къ ней, „Объ обращеніи оружія, т. е. орудій истребленія, въ орудія спасенія“, на стран. 669-й; невѣрующій, начавшій чтеніе съ этихъ статей, если только онъ не потерялъ еще способности мыслить, если онъ сохранилъ еще способность понимать великое, прочтетъ и всю книгу.

Н. Петерсонъ.